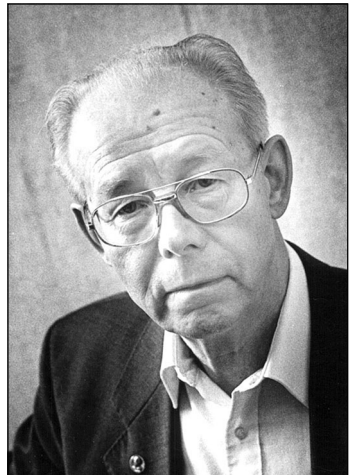

ВАХТА ПАМЯТИ

«Из нас, мальчишек, срочно делали воинов...»

На прошедшей недавно встрече ветеранов с новосибирскими журналистами своими воспоминаниями о военном времени поделился академик Олег Федорович Васильев. В годы Великой Отечественной войны он был связистом, воевал на Калининском, 3-м Белорусском фронтах, участвовал в боях под Смоленском, тяжело ранен под Витебском. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы» и «За отвагу».

— В июне 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, я окончил школу-семилетку и собирался продолжить учебу в 8-м классе. Однако за несколько дней до начала войны в армию был призван мой отец. Позже я узнал, что это была специальная мобилизация — по поручению Генштаба Московский военный округ должен был сформировать штаб будущего Южного фронта. Я эти вещи узнал много позже из мемуаров начальника тыла Южного фронта. 23 июня мы с отцом распрощались на Киевском вокзале, на товарной станции — меня чудом нашел случайный человек с запиской от отца. Эшелон отбыл этой же ночью, как оказалось, на Украину. Из Винницы отец прислал гражданское по внешнему виду письмо, где написал, что идет штабная учеба. В общем, явно шло сколачивание штаба Южного фронта. Вскоре начались бои на территории Украины, немцы продвигались всё глубже. В конце августа отец был направлен в командировку, позже я узнал, что в штаб одной из двух армий, которые попали в окружение под Уманью. С тех пор никаких вестей от него не было. Мы получили последнее письмо от его товарищей, а потом и официальное извещение. Всю войну была, по правде говоря, какая-то слабая надежда, что он жив, хотя, побывав на фронте, я понимал, что никаких надежд не может быть для тех, кто попал на фронт в самом начале войны.

Довольно хорошо помню ситуацию в Москве в 1941 году, которую я видел глазами 16-летнего паренька, и в 1942 году, когда мне исполнилось уже 17 лет. В том числе и тем-

ные страницы истории Москвы военного времени (например, 16 октября, о котором был недавно поставлен документальный фильм, не вполне удачный). Осенью вместе с другими школьниками я побывал на заготовке овощей для Москвы, затем поступил на работу, был чернорабочим-пожарником на одной из крупных московских овощных баз, пока там еще была работа. 16 октября было объявлено осадное положение, фронт подошел вплотную к столице. Обстановка, видимо, была настолько неустойчивая, что властям не удалось скрыть, что произошло что-то необычное. Более того, налицо были признаки, что Москва, может быть, готовилась даже и к сдаче или, во всяком случае, к боям. Неожиданно к обычному паюку выдали муку — чуть ли не по пуду. Так просто выдавать бы не стали. Ещё через пару дней я был в числе мобилизованных на строительство оборонительных сооружений. Это уже была третья линия обороны Москвы: первая — в районе Вязьмы, вторая — Можайск-Волоколамск, третья линия строилась уже непосредственно в окрестностях. Тому крупному строительному подразделению, куда я попал, пришлось работать на строительстве оборонительных сооружений вдоль Калужского шоссе. В то время это была сельская местность: поле, несколько четырехэтажных домов, откуда людей эвакуировали и куда поселили нас. Там мы работали несколько недель.

В 1942-м году всё уже устоялось по-военному, жили мы на паек, очень скромный для тех, кто имел карточку служащего или иждивенца. Но, тем не менее, в Москве была организована учеба — так называемые экстернаты, где в течение нескольких месяцев шла очень интенсивная учеба, после которой обещаны были документы об окончании того или иного класса. Осенью 42-го я форсировал учебу, чтобы закончить школу до мобилизации в армию. Я был принят с некоторыми условиями на инженерный факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Несколько месяцев учебы на этом факультете, затем лесозаготовки, по возвращении с которых уже в Москве мы прочитали объявление военкомата о том, что лица 1925 года рождения мобилизуются в армию.

1 февраля 1943 года я после прохождения комиссии напрямую из военкомата был направлен во 2-е Московское военно-пехотное училище, которое находилось в Филлях и было создано как дополнение к знаменитому Кремлевскому военно-пехотному училищу, где готовили по ускоренной программе младших лейтенантов, фактически командиров

взводов. Очень интенсивная учеба, тяжелый режим: из нас, мальчишек, старались быстро сделать взрослых людей, воинов.

Так продолжалось до августа. За это время мы успели построить полевой лагерь под станцией Крюково, около Москвы. Несколько месяцев полевых занятий тоже с очень большой нагрузкой, а мы все были после первой голодной московской зимы отнюдь не крепкими... В августе 1943 года нас направили в действующую армию.

Я и мой друг Володя Самойлов с большой группой курсантов были направлены в 69-й стрелковый полк 97-й стрелковой дивизии. Фактически это было переформирование дивизии, которая вышла с боев на Курской дуге, понесла очень большие потери. Конечно, мы поняли, что значит битва такого масштаба — в полках оставалось лишь по несколько десятков человек, в основном старший офицерский состав. К этому времени после печальной затяжной битвы с большими потерями Ржев был взят. Неподдалеку от города у нас было две-три недели учебы в полевых условиях, шло сколачивание новых подразделений, и я оказался в 3-м стрелковом батальоне 69-го стрелкового полка во взводе связи. И это было неслучайно: специально подготовленных связистов в армии было явно недостаточно, а в училище нас готовили по очень серьезной, многоотраслевой программе. Фактически на базе курсантского состава и был скомплектован этот взвод, я был назначен помощником командира.

Вскоре наша дивизия ночными маршами стала перебрасываться в район Смоленска. Город был еще у немцев. Это были изнурительные ночные марши: по ночам мы шли, покачиваясь от усталости, а днем по возможности отсыпались. После очередного перехода вышли в район Духовщины, недалеко от Смоленска. Это была линия фронта, и здесь уже шли серьезные бои, в которые включились и мы. Операция по освобождению Смоленска была в полном разгаре, и мне довелось принять в ней участие на первом этапе пребывания на фронте.

Во второй день боев группа нашего взвода связи попала под минометный обстрел. Я в это время обеспечивал связь с одной из рот. Командир взвода и старшина были контужены, тяжело ранен был один из моих товарищей, у него были перебиты обе бедренные кости, и мне пришлось накладывать ему повязки и вытаскивать его из под огня. Командование взводом перешло ко мне, не бог весть какому опытному в тактике связисту. На второй день замполит подошел к тому окопу, в котором я сидел

вместе с комсоргом батальона, и сказал комсоргу командным тоном: «Его представить к награждению медалью «За отвагу»!

...Последующие тяжелые бои шли с большими потерями. Вскоре наша дивизия была несколько сжата, наш третий батальон был слит с одним из смежных батальонов, потому что наш комбат был ранен. Я был в тот момент рядом с ним на наблюдательном пункте. Дальше дивизия и полк двинулись в сторону Витебска. На Смоленские бои шли за отдельные населенные пункты, районные центры и города. И вот дивизия дошла до Белоруссии. Здесь немцы успели к осени, к октябрю-ноябрю 43-го года, устроить мощные эшелонированные линии обороны, начались затяжные бои. Противнику удалось задержать нашу армию здесь чуть ли не на девять месяцев — до операции «Багратион», до конца июня 44-го года. Пришлось участвовать в нескольких наступлениях, целью которых ставился даже прорыв обороны.

В одном из таких наступлений, 23 декабря, будучи направленным для восстановления связи с одной из рот в только что захваченных немецких траншеях, я и был ранен. Мне в одиночку пришлось пробираться по бывшей нейтральной территории, под обстрелом. Я был фактически мишенью — снег уже лежал, никаких маскхалатов у нас не было... Добрался до траншеи и уже готовился нырнуть в нее, и в это время снайпер всё-таки достал меня.

Из эвакогоспиталя довольно быстро я попал в число тех, кого отравили подальше в тыл. Проехали мы через Смоленск, затем по пути на восток я умудрился попасть в поезд, который привез меня в Москву, где я продолжил лечение в госпитале.

В апреле 1944 года я был демобилизован с инвалидностью, вернулся на учебу. С осени продолжил учебу на втором курсе, но уже в институте, который был связан с Тимирязевской академией — в Московском гидромелиоративном. Однажды кто-то из наших преподавателей пригласил старого профессора-гидравлика, ученика Н.Е. Жуковского, прочитать лекцию. Он уже успел отсидеть в лагерьях, поработать на строительстве канала. Профессор прочитал лекцию «Изгиб потока жидкости, струящейся лентой» — такой вот романтик был. И это дело меня увлекло. Я достал его книжки, начал читать, а потом взял и пришел к нему. Жил он в бараке около института. Он страшно был удивлен, но, тем не менее, мы подружился. А интерес к гидродинамике у меня остался на всю жизнь.

Подготовила В. Садыкова, «НБС»

Встреча с Александром Ивановичем Покрышкиным

К февралю 1946 года наша семья уже около двух лет жила на ул. Рабочей (теперь Чаплыгина), № 111 в небольшом (комната, кухня, сени, хозяйственные постройки) деревянном доме в глубине двора с большим огородом. Сейчас на этом месте трехэтажный жилой дом между улицами Чаплыгина и Максима Горького. В доме № 101, на углу Рабочей (Чаплыгина) и Каменской, в трехкомнатном доме жила семья наших друзей Головкиных. Порфирий Олимпиевич Головкин был известным и уважаемым в городе человеком, торговым работником, поочередно директором всех наиболее известных центральных гастрономов — на Советской, на Ленина, «под часами» и на Орджоникидзе. Фронтник, раненый. С Рафаилом Алексеевичем Молчановым (мой отчим), работником ОБХСС, они дружили с давних лет, и вот исполнилось их желание, они стали жить почти рядом — через три дома. Дядя Порфира, очень хороший человек, частенько вырубал меня по части отоваривания продуктовых карточек, особенно хлебных, за вчерашний день, если я не успевал выкупить хлеб в прикрепленном магазине. А иногда и укрывал меня в своем доме от гнева разбушевавшегося «Рафки». Тётя Клава кормила нас белыми, а меня снабжала ложкой, чтобы в подполе, где меня прятали, я ел варенье. На самом деле, очень хорошие были люди, многим помогали, я им благодарен.

У них была дочь Неля, на три года меня старше, у неё была и соответственно другая компания ребят и девушек, тоже старше меня. Её подруги очень много времени проводили в Нелином доме, некоторые, можно сказать, дневали и ночевали там. И вот однажды, в первых числах февраля 1946 г., одна из Нелиных подруг, тоже Неля, Рюмина, прибежала к нам и сказала, что в доме у Головкиных гости — Александр Иванович Покрышкин с братом Валентином (это младший из семи братьев Покрышкиных). И что не знают, как

их принимать, а потому послали её за мной, чтобы я взял свой аккордеон и пришёл разрядить обстановку для начала.

Конечно, я сразу же собрался, взял свой «Эмос» 3/4 и пошёл к Головкиным. Вошёл в залу, увидел всех, понял, что действительно скучновато, напряжённо-тихо, и стал что-то играть. А дальше получилось совсем неожиданно — мы с Александром Ивановичем ушли вдвоём в соседнюю комнату, закрыли дверь и играть я стал для него. Он очень удивлялся, как я умею играть, не зная нот. Рассказал, что привёз с фронта трофейный аккордеон, хотел научиться играть, но у него ничего не получилось. Просил показать, как играть, я что-то показывал. Так мы провели, насколько помню, 1,5—2 часа. Александр Иванович спросил меня, что я думаю делать после окончания школы (я учился в 8-м классе школы № 10, мне было 15 лет). Конечно, я ответил, что пойду в лётчики (мы все собирались в лётчики, искали училища, в которые якобы принимали после 8-го класса). Однако он мне сказал (это я помню почти дословно): «Ну и зря, война кончилась, больше лётчики так не нужны. Будешь в лучшем случае возить людей, будешь извозчиком. Лучше ты после школы поступи в институт, получи гражданскую специальность, будешь работать». Не скажу, что именно и только по его совету, но так в жизни у меня и получилось.

Когда мы с Александром Ивановичем вышли из маленькой боковой комнатки к хозяйке и к гостям, Александр Иванович сказал, что ему нужно поехать к маме, засобиравшись, вызвал машину. Пришла «Эмка». В машину он взял и меня с аккордеоном. Поехали на улицу Державина к его маме. Помню место, где стоял домик мамы Александра Ивановича, тёмные сени, но дальше не помню. А место это оказалось у ближнего к Красному проспекту торца здания теперешнего полпредства, потом много лет там сохранялись следы отдельных металлических

ворот. Напротив позже был построен пятиэтажный жилой дом Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР (теперь Сибирское отделение РАН), в котором я после переезда из Томска получил квартиру и жил до 1983 года.

Александр Иванович дал мне адрес своей квартиры в Москве: ул. Горького, дом 48, квартира 193, пригласил обязательно зайти к нему, когда буду в столице. Я записал и запомнил адрес. К тому времени в Москве я ещё не был. В следующем 1947 году я попал в Москву в составе новосибирской делегации участников Первого послевоенного Всесоюзного парада физкультурников. На тренировках и выступлениях по спортивной гимнастике в коллоне РСФСР я находился в Москве более двух месяцев, иногда порывался, но, в общем-то, постеснялся воспользоваться приглашением Александра Ивановича, о чём сожалею.

Неля Головкина поступила и окончила ВГИК, вышла в Москве замуж за очень достойного и авторитетного человека. Однажды, много лет позже, будучи в Москве, я вошёл в свой гостиничный номер и по телевизору услышал о том, что скончался Александр Иванович Покрышкин. Я сразу же набрал по телефону номер Нели, она уже знала, мы вместе погоревали. В 2009 г. не стало и Нели. Закрылась ещё одна страница жизни, связанная с той незабываемой встречей в 1946 году 15-летнего мальчишки Генки Грицко с трижды Героем Советского Союза полковником Александром Ивановичем Покрышкиным.

Г.И.Грицко, чл.-корр. РАН
На фото: 1945 год, Александр Иванович Покрышкин в родном ФЭУ. Автору этого снимка, в будущем верному кинофотолетописцу Сибирского отделения, Рашиду Ибрагимовичу Ахмерову тогда было 18 лет.

